

Научная статья
УДК 947.085 (476)
DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_216

ФЕНОМЕН БЕЛОРУССКОГО ЖЕНСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА 1941–1944 гг. И ОККУПАЦИОННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ПРАКТИКИ (В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ)

Елена Анатольевна Пушкаренко¹, Татьяна Петровна Мамаева²

*Российская таможенная академия¹
Люберцы, Россия
Староскольский филиал НИУ «БелГУ»²
Старый Оскол, Россия*

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
ORCID ID: 0000-0003-3048-9321, тел.: (4725) 322470, e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru
²Кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента,
ORCID ID: 0000-0002-7271-0461, тел.: (4725) 322470, e-mail: Tatp703@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен белорусского женского коллаборационизма в период 1941–1944 гг. и оккупационных гендерных практик в контексте проблемы немецкой пропаганды. Цель работы состоит в определении роли гендерного фактора в немецкой пропаганде, а также характер и цели деятельности белорусских женских прогерманских объединений, мотивы и политические интенции отдельных персоналий. Авторы считают, что длительный период немецкой оккупации территории Советской Белоруссии вынудил немецкую гражданскую администрацию шире использовать средства пропаганды, в том числе гендерные практики в общем контексте идеологического воздействия на местное население.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, гендерные практики, Великая Отечественная война, оккупационная политика, Генеральный округ Беларусь, В. Кубе, феномен белорусского женского коллаборационизма.

Для цитирования: Пушкаренко Е.А., Мамаева Т.П. Феномен белорусского женского коллаборационизма 1941–1944 гг. и оккупационные гендерные практики (в контексте проблемы немецкой пропаганды) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 216–220. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_216.

Введение

В настоящее время человечество сталкивается с целым рядом вызовов. Вопрос гендерной идентичности в контексте проблемы трансформации института традиционной семьи становится все более актуальным. В этой связи изучение опыта гендерных практик нацистов на оккупированных территориях Европы приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. Германское идейно-политическое воздействие на местное население происходило с учетом этнических, религиозных, социальных, возрастных

характеристик, а также категории гендера. В пропаганде были задействованы и т.н. женские коллаборационистские организации. Проблема коллаборационизма в годы Второй мировой войны получила детальное освещение в работах отечественных и зарубежных историков. Более того, она была исследована в региональном и национальном аспектах О.В. Романько [1]. Гендерные аспекты политики нацистов на территории Германии рассматривали А.М. Ермаков [2] и М.Д. Билалутдинов [3]. Однако до настоящего времени феномен белорусского женского коллаборационизма 1941–1944 гг. и оккупационных гендерных

практик в контексте проблемы немецкой пропаганды остается малоизученным.

Результаты

Следует подчеркнуть, что глава немецкой гражданской администрации Генерального округа Беларусь В. Кубе в оккупационной политике отдавал приоритет идеологическим средствам. Кубе активно привлекал к сотрудничеству представителей национальной интеллигенции, санкционировал учреждение целого ряда прогерманских коллаборационистских объединений, в том числе «Объединения белорусских женщин» и «Всебелорусского женского комитета». Так, в соответствии с Уставом главной задачей Комитета было заявлено создание его местных отделов, «чтобы ни одна женщина-белоруска не осталась вне организации» [4, л. 52].

Идейно-политическую и ценностную основу деятельности Комитета составляла белорусская национальная идея. В частности, одной из целей организации провозглашалось «поднятие национального самосознания женщин Беларуси» и «распространение достижений белорусской культуры среди населения». Членство в организации было ограничено по гендерному и этническому признакам: только этническая белоруска, достигшая 16 лет, могла влиться в ряды «Всебелорусского женского комитета» [5, с. 4]. Несмотря на активную пропаганду идей Комитета, белоруски не спешили вступать в его ряды, заняв выжидательную позицию. Источники отмечают, что местные женщины предпочитали избегать принадлежности к каким-либо прогерманским коллаборационистским объединениям [6, с. 3]. Тем не менее, само наличие подобных «комитетов» выступало дополнительным средством верификации содержания немецкой пропаганды, формальным институтом, представляющим интересы белорусских женщин.

Тесное взаимодействие немецкой администрации и представительниц женских объединений активно осуществлялось в экономической, политической и культурной сфере. В первом случае гендерные практики имели место в ходе вербовок белорусских женщин на работу в Германию. Анализируя положение с трудовыми ресурсами, представители немецкой администрации констатировали: «Женщин этой страны можно рассматривать как полноценную рабочую силу, так как они не только привыкли к трудным мужским работам, но и значительно усерднее мужчин» [7, л. 44]. При этом подчеркивалось, что в областях, населённых белорусами, «женщины заняты на самых тяжёлых работах». И что «белорусские женщины-работницы не уступают по производительности своего труда мужчинам» [8, л. 4]. Очевидно, что подобные обстоятельства отнюдь не способствовали процессу добровольных вербовок. Активизировать мобилизацию женщин на работу в «рейхе» должны были пропагандистские кампании. Характерно, что агитационные материалы для женской аудитории имели четко выраженные содержательные и мотивационные отличия. В них особый акцент делался на вопросах семьи, быта, воспитания детей, социальных гарантий.

Использование гендерных практик в пропаганде вербовок белорусских женщин на работу в Германию

преследовало 2 цели. Во-первых, создание негативного образа жизни советских женщин, акцентуации вопроса ущемления их прав, отсутствия у них каких-либо социальных гарантий. Утверждалось, что за годы советской власти был разрушен институт семьи, что советская женщина лишена радости материнства и возможности лично воспитывать своих детей, что большевики заставили ее трудиться на тяжелом производстве или в колхозе. Во-вторых, усилиями немецких пропагандистов в массовом сознании создавались мифические образы «Новой Европы» и страны «истинного социализма» <нацистской Германии>, которые должны были стимулировать добровольные вербовки потенциальных работников с Востока.

К вербовочным кампаниям активно привлекались коллаборационисты. Более того, как замечает польский исследователь Ю. Туронок, «вербовка тридцати тысяч белорусских юношей и девушек на работу в Германию была ценой, которую обещали... заплатить за разрешение властей на учреждение СБМ <Союза белорусской молодежи – коллаборационистской организации>» [9, с. 112]. Однако Кубе не согласился с инициативой Берлина, и учреждение СБМ прошло под лозунгом «патриотического воспитания». Тем более, что в 1943 г. уполномоченный по использованию рабочих ресурсов «рейха» Ф. Заукель обозначил перед руководством округа более значительную цифру в 130 000 человек, не ограничивая возможности принудительных вербовок.

Следует отметить, СБМ был выстроен по аналогии с нацистским «гитлерюгенд», а его структура подчинялась гендерному принципу. В Союзе существовали 2 отдела – юношей и девушек, последний из которых возглавляла врач Надежда Абрамова. В уставе СБМ отдельно декларировались задачи работы с мужской и женской аудиторией. Так, главной целью в отношении молодых белорусок было заявлено «воспитание женщины-матери и женщины-националистки». Кроме того, предполагалась «подготовка специалистов в различных сферах деятельности в соответствии с физическими и моральными качествами женщины» [10, л. 5]. Подчеркивалось, что Союз нацелен на «формирование сильного, работоспособного и жизнерадостного белорусского юноши и здоровой белорусской девушки», которая в будущем должна стать «высоконравственной супругой и доброй матерью».

В этих тезисах сложно не заметить аналогии с проводимой в Германии гендерной политикой, которая сводила социальную роль женщины к строго традиционным рамкам. Активно пропагандировалось утверждение, что удел женщины – это дети, муж и семейный очаг. В соответствии с этой доктриной курсы для молодых белорусок, которые проходили под эгидой СБМ, с течением времени приобретали все более специфический характер. С одной стороны, в процессе обучения девушек готовили к работе воспитателями детских садов, а с другой, овладение педагогическими знаниями и навыками сочеталось с подготовкой женских пропагандистских кадров для службы «народного просвещения».

Особого внимания заслуживает личность главы «женского» отдела СБМ Н. Абрамовой. Абрамова

была одной из ведущих фигур среди сонма белорусских коллаборационистов. Она активно участвовала в немецких пропагандистских акциях, выступала с публикациями в оккупационных изданиях и лекциями перед молодежной аудиторией [11, с. 118]. Политическая деятельность Абрамовой по-разному оценивается историками. Например, белорусский исследователь Л.М. Лыч считает, что ей удалось «привлечь в ряды СБМ немало национально активной молодежи» [12, с. 51]. Польский историк Ю. Туронок дает ей следующую оценку: «Абрамова занималась морально-политическим воспитанием девушек, а также давала им основы медицинских знаний» [9, с. 224]. Оба автора скорее позитивно оценивают деятельность Абрамовой. Можно констатировать, что пребывание врача Абрамовой в должности главы женского отдела СБМ само по себе выполняло важнейшую идеологическую задачу – легитимации и верификации деятельности оккупационных властей в области «женского вопроса». При этом деятельность СБМ была столь насыщенной и масштабной, что к июню 1944 г., по данным одного из оккупационных изданий, в его состав входило более 8500 человек, половину из которых составляли девушки [13, с. 61].

Не менее важной составляющей во взаимодействии институтов белорусского женского коллаборационизма и оккупационных властей в области пропаганды стала культурно-просветительская деятельность. Даже здесь Кубе смог найти особые акценты для привлечения к сотрудничеству белорусских женщин, апеллируя к чувствам женщины-матери. В ходе одного из публичных выступлений он указал на необходимость защиты и сохранения семейных ценностей. Характерно, что его спич сочетал в себе и гендерную, и политическую, и национально ориентированную мотивацию аудитории. «Мы, немцы, защищаем и сохраняем белорусский язык. Сельская нива и дом, семейная жизнь, школа, свобода вероисповедания, культура, театр, образование и искусство издавна свойственны белорусскому характеру... От белорусов зависит теперь, оправдают ли они доверие, которое оказывает им Великая Германия... Большевицкая Россия уничтожает, национал-социалистическая Германия созидает» [14, с. 286].

Активное участие в оккупационных акциях представительниц белорусской культуры происходило в области пропаганды т.н. «возрождения» национальной культуры и языка. Проходили многочисленные художественные выставки, конкурсы, концерты под знаком национальной белорусской символики. Культурная программа была столь насыщенной, что может сложиться впечатление о некоем национальном белорусском «ренессансе» в условиях немецкой оккупации. Однако пропаганда ценностей белорусской национальной идеи шла вразрез с реальной политикой немецких властей на Востоке в области культуры. В Кубе неоднократно докладывал министерскому руководству, что по приказу Г. Гиммлера с территории Беларуси было отправлено множество ценных предметов искусства в Германию, а также о варварском разграблении музея первобытной истории в Минске [15].

Особо стоит затронуть проблему военной женской повседневности, существовавшей практики выживания женщин в условиях оккупации. Использование

в качестве трудовых резервов белорусских женщин обусловило проведение особой «социальной политики» и пропаганды, которые учитывали обстоятельства беременности и материнства. Например, в соответствии с распоряжением Кубе от 10.09.1941 г. во всех городах округа должны были организовываться детские сады для присмотра за детьми тех женщин, которые по причине наличия детей не могли быть использованы на работах [16, л. 145].

В период немецкой оккупации 1941–1944 гг. среди повседневных форм выживания необходимо выделить и специфические женские практики поведения. На фоне демагогичных заявлений немецкой пропаганды о воспитании белорусских девушек как будущих жен и матерей, имела место практика проституции, в том числе принудительной. Как сообщают советские источники, оккупанты просто «загоняли белорусских женщин и девушек в публичные дома, которые предназначались для обслуживания солдат и офицеров вермахта» [17, л. 24].

Еще одним страшным феноменом военной повседневности белорусских женщин стала практика физического уничтожения. В борьбе с партизанами подразделения СС и СД, действовавшие на территории округа, прибегали к самым жестоким, бесчеловечным методам. Истребление мирного белорусского населения неоднократно становилось камнем преткновения между немецкой гражданской администрацией округа во главе с В. Кубе и руководством СС и СД. Кубе был сторонником «мягкой силы», широкого использования в оккупационной политике пропаганды. Но на фоне зверств СС и СД все его начинания на идеологическом поприще выглядели цинично и фальшиво. Кубе неоднократно обращался к руководству с донесениями, в которых содержались описания преступлений СС и СД против гражданского населения, в которых он отмечал, что применявшиеся СС и СД методы борьбы с партизанами полностью нивелируют усилия немецких пропагандистов. «Не в моей власти что-либо изменить в этом деле, – отмечал он, – так как гражданское управление не имеет никакого влияния на ход проведения таких акций» [18, л. 185].

В ходе проведения подобных антипартизанских акций, по данным Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, нацисты заживо сожгли, повесили, замучили и расстреляли около 240 тыс. женщин на территории оккупированной БССР [19, л. 27].

Выводы

В заключение подчеркнем, что актуализация в немецкой оккупационной политике и пропаганде «женского вопроса» через создание имитационных «женских» организаций и привлечение к участию в пропаганде представительниц белорусской культуры, а также активное использование гендерных практик не принесли оккупационным властям ожидаемых результатов. Пропаганда резко контрастировала с реалиями оккупационного режима. Карательные экспедиции против мирного населения, методы борьбы с партизанами, геноцид народов Беларуси, разграбление и уничтожение ее культурно-исторического наследия – все это в совокупности девальвиро-

вало содержание немецкой пропаганды, делало очевидным лживый имитационный характер политики «белорусизации» и деятельности самих коллаборационистов.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Романько О.В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь : Антиква, 2008. 304 с.
2. Ермаков А.М. Распределение гендерных ролей в Третьем рейхе в пропаганде Йозефа Геббельса // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4, т. I (Гуманитарные науки). С. 65–71.
3. Билалутдинов М.Д. Й.П. Геббельс о роли и месте женщины в национал-социалистическом обществе и государстве // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 71–74.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 384. Оп. 1. Д. 3а.
5. Беларуская газета. 1942. 10 верасня.
6. Беларуская газета. 1942. 27 верасня.
7. НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 973.
8. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 917.
9. Туронак Ю. Людзі СБМ. Вільня : Gudus, 2006.
10. НАРБ. Ф. 381. Оп. 2. Д. 3.
11. Пушкаренко Е.А. Белорусский женский коллаборационизм как инструмент немецкой пропаганды в годы Второй мировой войны // История: факты и символы. 2022. № 2 (31). С. 115–121. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-115-121.
12. Лыч Л.М. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941–1944 гг.). Вільня : Наша Будучыня, 2011.
13. Беларускі народны календар на 1944 г. Менск, 1944. С. 61.
14. Весалякоўскі Ю. Дух часу. Беласток: Лёндан, 2005.
15. Пушкаренко Е.А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 21, вып. 2. С. 167–174. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174
16. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 623. Оп. 1. Д. 1.
17. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 222.
18. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1037.
19. НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 94.

References

1. Roman'ko, O.V. (2008) *Legion pod znakom Pogoni. Belorusskie kollaboratsionistskie formirovaniya v silovykh strukturakh natsistskoi Germanii (1941–1945)* [Legion under the sign of the Chase. Belarusian collaborationist formations in the power structures of Nazi Germany (1941–1945)]. Simferopol. (in Russian)
2. Ermakov, A.M. (2010) *Raspredelenie gendernykh rolei v Tret'em reikhe v propagande Iozefa Gebbel'sa* [Distribution of gender roles in the Third Reich in the propaganda of Josefagebbels]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 4 (I). (4), 65–71. (in Russian)
3. Bilalutdinov, M.D. (2007) *I.P. Gebbel's o roli i meste zhenshchiny v natsional-sotsialisticheskom obshchestve i gosudarstve* [J.P. Goebbels on the role and place of women in National Socialist society and the state]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. (305), 71–74. (in Russian)
4. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'* (NARB) [National Archive of the Republic of Belarus]. F. 384. Op. 1. D. 3a. (in Russian)
5. *Belaruskaya gazeta*. 1942. 10 verasnya.
6. *Belaruskaya gazeta*. 1942. 27 verasnya.
7. NARB. F. 4683. Op. 3. D. 973. (in Russian)
8. NARB. F. 370. Op. 1. D. 917. (in Russian)
9. Turonak, Yu. (2006) *Lyudzi SBM* [SBM People]. Vil'nya. (In Belorussian)
10. NARB. F. 381. Op. 2. D. 3.
11. Pushkarenko, E.A. (2022) *Belorusskii zhenskii kollaboratsionizm kak instrument nemetskoj propandy v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Belarusian women's collaboration as a tool of German propaganda during the Second World War]. *Istoriya: fakty i simvol'y*. (2), 115–121. Available from: doi:10.24888/2410-4205-2022-31-2-115-121 (in Russian)
12. Lych, L.M. (2011) *Natsyyanal'na-kul'turnaezhytstse na Belarusi ū chasy vainy (1941–1944 gg.)* [National and cultural life in Belarus during the war (1941–1944)]. Vil'nja. (in Belorussian)
13. *Belaruskii narodny kalyandar na1944 g.* Mensk, 1944.
14. Vesyalkoŭski, Yu. (2005) *Duh chasu* [Spirit of the Hour]. Belastok, Lyondan publ. (in Belorussian)
15. Pushkarenko, E.A. (2021) *Nemetskaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941–1944 godakh* [German policy and propaganda in the field of culture on the territory

of the General District of Belarus in 1941–1944]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* (21), 167–174. Available from: doi:10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174 (in Russian)

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Minskoi oblasti* (GAMO) [The State Archive of the Minsk region]. F. 623. Op. 1. D. 1.

17. NARB. F. 4p. Op. 33a. D. 222.

18. NARB. F. 1440. Op. 3.D. 1037.

19. NARB. F. 845. Op. 1. D. 94.

Поступила в редакцию 20.10.2022

Подписана в печать 26.12.2022

Original article

UDC 947.085 (476)

DOI 10.47438/2309-7078_2022_4_216

**THE PHENOMENON OF BELARUSIAN WOMEN'S COLLABORATION IN 1941–1944
AND OCCUPATION GENDER PRACTICES
(IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF GERMAN PROPAGANDA)**

Elena A. Pushkarenko¹, Tatiana P. Mamaeva²

*Russian Customs Academy*¹

Lyubertsy, Russia

*Starooskolsky Branch of the National Research University*²

Stary Oskol, Russia

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Humanities,
ORCID ID: 0000-0003-3048-9321, tel.: (4725) 322470, e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru*

²*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Management,
ORCID ID: 0000-0002-7271-0461, tel.: (4725) 322470, e-mail: Tatp703@mail.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of Belarusian women's collaboration in the period of 1941–1944 and occupation gender practices in the context of the problem of German propaganda. The purpose of the work is to determine the role of the gender factor in German propaganda, as well as the nature and goals of the activities of Belarusian pro-German women's associations, the motives and political intentions of individual personalities. The author comes to the conclusion that the long period of the German occupation of the territory of the BSSR caused the appearance of specific features of the occupation policy.

Key words: German propaganda, gender practices, Great Patriotic War, occupation policy, General District of Belarus, V.Kube, phenomenon of Belarusian women's collaboration.

Cite as: Pushkarenko, E.A., Mamaeva, T.P. (2022) The phenomenon of Belarusian women's collaboration in 1941–1944 and occupation gender practices (in the context of the problem of German propaganda). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (4), 216–220. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_216.

Received 20.10.2022

Accepted 26.12.2022